

Жесть и чебуреки

У Тетьганы печенье — просто жесть. Я об него реально зуб сломала! Не передний, а рядом который, как уж его там. Короче, чувствую, скрипит во рту. Сплюнула в руку, а там зуба кусок. Маленький, но прям очевидно, что зуб.

Тетьгана спрашивает:

— Вкусно, детонька?

Я киваю и даже два пальца вверх показываю. Типа вообще зашибись, как вкусно. Но на всякий случай не улыбаюсь. Я ж тогда ещё не знала, какой зуб сломала. Вдруг передний? Тетьгана бы расстроилась, а у неё нервы.

А у Тетьвики — голова.

Я как к ним не приду, у них всегда так. Тетьгана разволнуется, что, ну, война там где-нибудь или мамка моя опять в запой ушла и сразу ставит свою пластинку с кудрявым мужиком. Прямо руки трясутся, пока песня не начнет играть. А Тетьвика, как услышит, сразу орёт из своей комнаты:

— Танечка, выключи, у меня голова!

А Тетьгана в ответ:

— У меня нервы, Викуля!

Хоромы у Тетьганы и Тетьвики, конечно, колоссальные. Всякие гипсовые вензеля на потолке, кресла с такими высокими спинками... А у входной двери ручка вообще в виде львиной башки! Одной посуды сколько в серванте. И еще повсюду фарфоровые фигурки. Тетьгана любит всяких пастушек и овечек, а Тетьвика собачек. Их там реально сотни три. Сдохнешь, пока каждую от пыли протрешь.

Так. Про что уж я рассказывала? А, точно, про зуб! Короче, я его в горшок с геранями сунула. И нечего больше о нем говорить.

Тетьгана спрашивает:

- Как у вас в школе дела, Мариночка?

Я отвечаю:

— Хорошо.

Но тут я, конечно, кривлю маленько душой. Это в селе у меня все хорошо было. Дядьгена вообще только пятерки и четверки нам ставил. Даже Коленьке, хотя Коленька был умственно отсталый и ни слова не говорил. Только мычал и рисовал свои картинки. Домики, цветочки какие-то... У него коровы хорошо получались, похоже, а люди — прямо уроды какие-то.

А школу закрыли, знаешь? Бабка сказала, детей вообще не осталось в селе. Даже Коленьку в ПНИ отправили, потому что мамка с папкой не захотели его к себе в Москву забирать. Как так можно? Я заплакала, когда прочитала, и потом весь день не могла остановиться. Это среда была, так что пришлось позвонить Тетьгане и Тетьвике и сказать, что я заболела. Они поохали-поохали, конечно, что собачки и пастушки ихние пылью зарастут. Но у меня как будто кран какой-то внутри прорвало. Текло и текло из глаз. Стыдобища.

Ночью мы с Витей устроили военный совет. Решили, как накопим денег и съедем от мамки, Коленьку к себе заберем. Будет у нас в театре декорации для спектаклей рисовать, а в антракте с детишками играть. Он детишек любит. Особенно маленьких, которые его не бьют. Возит их на спине, мычит... Наверное, думает, что он тоже корова.

У нас в театре... Уф! Говорю, и прямо мурашки по спине! В следующем году, как закончу девятый, пойду в театральное. У них за Колхозным рынком корпус, где раньше

был тубдиспансер. Знаешь, да? А Витя будет каскадером. Он здорово трюки делает: через себя кувыркается, на шпагат садится... Он вообще у меня молодец.

Надо только новое место для нычки придумать, потому что за унитазом в мыльнице мамка нашла.

Опять мысль ушла. А! В общем, в селе-то у нас я была отличница. А тут если тройку по русскому получу, то прямо праздник какой-то. Учительница (не помню, как ее) трет свой огромный лоб и говорит:

— Не понимаю, Марина, как у тебя так могла снизиться успеваемость?

Я всегда говорю, что это стресс из-за пожара. И делаю такое лицо... Как бы скорбное. Хотя вообще уже год прошел, а нас с Витей в ту ночь даже дома не было.

Зато про нас тогда в новостях рассказывали! Как уж там... Типа “Погорельцы из Дедеришей получают квартиру в Саранске”. Погорельцы — это мы. У нас вообще все сгорело: дом, баня, сарай с дровами. Даже тубзик! Хотя он далеко стоит, у самого забора. Ну, то есть стоял.

Короче, мы сначала к бабке перебрались, но она мамку быстро выгнала, потому что терпеть не может алкашей. Говорит, они опустившиеся люди. Мамка орала-орала под окнами, а потом к какому-то депутату пошла. Не знаю, что она там говорила, но через неделю мы уже в новую квартиру въезжали. Потом правда оказалось, что это не квартира, а комната в коммуналке, но дареному коню... Сам знаешь.

— Чайку, Мариночка? — спрашивает Тетьгания. Руки у нее так трясутся, что заварочный чайник прямо ходуном ходит. — Может, еще печеньице хотите?

Ну уж дудки!

— Не, спасибочки, — говорю.

— Ну, я вам тогда на столе оставлю, — решает Тетьгания. — А то такая вы худенькая! Кушайте на здоровье.

Я бросаю быстрый взгляд на шкаф над плитой и встаю. Пора за уборку.

Тетьвика живет на западной стороне, потому что не любит, когда солнце по утрам в лицо светит. И вообще ничего не любит кроме сканвордов. У нее их знаешь, сколько? Весь шкаф забит! Я раз полистала, пока она спала, а там все слова отгаданы. Вообще все!

Я протираю подоконник, а она спрашивает:

— “Скелет” велосипеда, четыре буквы.

Я говорю:

— Руль?

Она смеется, как будто кудахчет:

— Кхак-тах-тах! Это “рама”!

Я мою пол или памперс ей меняю, а она:

— “Шапка” дерева, последняя “А”.

Я говорю:

— Ушанка что ли?

А она опять:

— Кхах-тах-тах! Кхах-тах-тах!

И прямо трясется вся от восторга. А я складываю ее кофты в комод и улыбаюсь. На самом-то деле, я не такая тупая, правда. Просто специально изображаю, потому что у нее в жизни не так уж и много радостей. Пусть посмеется, да?

А Тетьгания любит в кресле сидеть, когда я у нее убираюсь. Которое с высокой спинкой. Ей так лучше видно, где я кусок пола пропустила, где пылинку просмотрела, где овечку её не на то место поставила... Прямо Орлиный глаз! Сидит и крутит перстни на пальцах. Прическу свою поправляет, вздыхает.

— Мариночка, я вам рассказывала про своего мужа?

Я всегда отвечаю, мол, нет, не рассказывали, хотя она уже сто пятьсот раз про него говорила. Он участвовал в открытии пенициллина в СССР. То ли лаборантом был, то ли большим начальником... Тетьгания каждый раз по-новому рассказывает, так что, может, он и не открывал ничего, а был, например, продавцом.

Я, наконец, протираю последнюю пастушку — ту, у которой шляпка с желтыми лентами. Ставлю ее на полочку, закрываю стеклянную дверцу серванта и говорю:

— Все, я закончила.

Тетьгания даже подпрыгивает от расстройства, что я про мужа ее не дослушаю. В этот раз он вообще из КГБ.

— Как? Уже? Смотрите, на улице какая метель! Может, переждете?

Снег за окном едва падает.

— Не, — говорю. — Меня брат внизу ждет.

— Ох, ну, если так...

Я иду в коридор. Надеваю шапку, длинный шарф с помпонами, мамкино пальто. Тетьгания охает и причитает, какое оно у меня тонкое — “ну, прямо на рыбьем меху” и “надо вам обязательно новое, иначе застудитесь”! А я обуваюсь. Топчусь у дверей, собираюсь с духом... И, наконец, говорю, будто пластырь срываю.

— Тетьгань, вы мне денег должны. Двадцать пятое же.

Тетьгания вся замирает. И лицо у нее делается в два раза длиннее, до того она потрясена моей бестактностью.

— Ну, раз уж без этого никак...

Губы у Тетьгании трясутся, глаза делаются мокрые. Она достает из-за пазухи мятый конверт и почти что швыряет мне в руки. Я его молча, прямо при ней, открываю, а там... уф.

— Тут пятьсот рублей не хватает, Тетьгань.

Это я после прошлого раза решила при ней пересчитывать. Просто она тогда клялась и божилась, что ровно пять тысяч рублей положила. Но что же они, сами собой из конверта сбежали?

— Я не ошиблась, — бормочет Тетьгания и голос у нее срывается от того, что приходится о таких вещах говорить. — Вы же тринадцатого не были у нас, Мариночка. Я вычла из жалования.

Тетьгания теребит перламутровую пуговку на рукаве и смотрит куда-то в сторону. А Тетьвика решает новый сканворд. Сложный, наверное: мне в открытую дверь видно, как она хмурится.

— Ну, если вас что-то не устраивает...

Тетьгания не договаривает, но тут и козе все ясно. Кто еще меня на работу возьмет в мои-то пятнадцать? Я молчу и молчу. А потом говорю:

— До свиданья.

— Ну, до субботы тогда? — радуется Тетьгания и сует мне в руки пакет с печеньем. Тем самым, зубодробительным. — Вот, на дорожку вам с братом.

И я ухожу.

Хлопает за спиной коричневая в ромбах дверь, хмурится львиная башка — та, которая вместо ручки. А я спускаюсь и считаю ступеньки. Раз — на самом деле, у них на кухне полно конфет. Два — и зефир в шоколаде, и несколько видов печенья. Три — в шкафу над плитой, который Тетьгания всегда закрывает на ключ. Четыре — чтоб я не узнала.

Пять.

Шесть.

Семь.

Восемь.

Так и сказала: “Я вычла из жалования”.

А на улице падает снег.

Витя сидит на лавке. Наверное, давно уже ждёт, вон уши какие красные. И все равно без шапки, говнюк!

Я говорю:

— Шапку быстро надел.

А потом вспоминаю: тринадцатое — это была среда, когда я про Коленьку узнала.

Витя спрыгивает с лавки и шумно втягивает соплю в свой длинный нос.

— Чо так долго-то, а? Всю жопу себе отморозил.

Я снимаю шапку со своей головы и натягиваю ему на уши. А Витя тут же сдергивает ее и возвращает обратно мне на макушку. Мы корчим друг другу сердитые рожи.

— Пошли что ль?

Я сдаюсь и киваю — пошли.

И мы идем. Сначала через сквер Тридцатилетия Победы, потом мимо конноспортивного комплекса, потом по Вакеева вдоль общежития. И оба, как по команде, замираем возле ларька с чебуреками. Толстая тетка внутри как раз открыла окошко, и наружу вырывалось облако сытого белого пара. Пуф-ф-ф! Пахнет жареным тестом, хрустящей корочкой, мясом... И жиром еще. Ну, знаешь, который у чебурека внутри. Кусаешь его, а жир бежит по рукам и застывает на варежках белой корочкой из-за мороза... Это звучит только мерзко, а на самом деле так вкусно, что можно пальцы себе откусить.

Витя поддает ногой снежный ком и дробит его пяткой.

— Чо там старухи твои? Квартиру еще не отписали тебе?

Я говорю:

— Отписали, конечно.

— А бриллианты?

— Ага.

Мы стоим и гипнотизируем картонку с ценой на чебуреки. Девяносто восемь рублей... На двоих вообще почти двести! Я на эти деньги кастрюлю супа сварю на три дня. Типа борща или щей.

Витя плотает слюну. Я делаю голос таким... ну, как бы совсем равнодушным:

— Хочешь, купим тебе?

— Не, я не голодный, — мотает башкой. А у самого в животе так урчит, что слышно, наверное, даже в Дедеришах. — Себе вон купи, а то ты как дрищ.

И у меня урчит. Желудок как будто бы к ребрам прилип. Или сам себя переваривать начал уже с голодухи. Я пожимаю плечами.

— Не, я не голодная тоже.

Надо попробовать в этот раз спрятать под плинтусом. Мамка туда не нагнется с её-то спиной. Витя вздыхает:

— Чо тогда встала? Пошли!

Я киваю, пошли.

Ну, мы и уходим.